

СЛЕДЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОВЕСТИ В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

В.И. Мельник

*(член-корреспондент АН Республики Татарстан, профессор,
Государственная академия славянских культур)*

У статті робиться спроба виявити моральні та духовні зв'язки роману І.О.Гончарова «Обрыв» з давньоруською літературою.

The article tries to identify the moral and spiritual ties between the novel "Obryv" by I.O.Honcharov and the ancient literature.

Похоже, что следы древней русской литературы есть и в романе «Обрыв». Венгерская исследовательница Ж. Зельдхейи-Деак высказывает предположение, что тема «подслушивающей судьбы» (бабушка) восходит к «Повести о Горе-Злосчасти» (1, 79). Стоит вспомнить, что «Повесть о Горе-Злосчасти» была обнаружена в 1856 году и произвела большое впечатление на литературную и ученую среду России. Академик Ф. Буслаев писал в специально посвященной этой повести статье 1856 года: «История древней русской поэзии обогатилась в 1856 г. открытием одного прекрасного стихотворения, записанного в рукописи Публичной библиотеки (XVII-XVIII вв.) под названием “Повесть о Горе и Злосчасти, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин”. Открытие это принадлежит г. Пыпину» (2, 164). К исследованию сразу же подключились, кроме А. Н. Пыпина и Ф. И. Буслаева, И. Срезневский и Н. И. Костомаров. Повесть была опубликована сначала Н. И. Костомаровым в журнале «Современник» (1856, № 3), а затем И. Срезневским в «Известиях Академии наук». В 1860 году Н. И. Костомаров еще раз перепечатал «Повесть» в «Памятниках старинной русской литературы». Знакомый со всеми публикаторами повести и общавшийся с ними в это время (например, в декабре 1856 года он переписывается с А.А. Краевским по поводу размещения по номерам «Отечественных записок» глав работы Н.И. Костомарова «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России», а в мае 1856 года одобряет к печати рукопись книги Ф.И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка. Часть 2-я. Синтаксис» (3, 63; 3, 68-69)), Гончаров, разумеется, вполне оценил масштаб сделанного открытия и саму повесть. Возможно, следует говорить не только о теме *судьбы* как о следах этой древнерусской повести в «Обрыве», но и о теме послушания старшим. Именно в «Повести о Горе-Злосчасти» эта тема звучит как основная:

*Ино зло племя человеческо:
Вначале шло непокорливо,
К отцову учению зазорчиво,
К своей матери непокорливо
И к советному другу обманчиво.*

Горе и «злое счастье» героя повести происходят от непослушания родителям, которые предостерегали свое чадо от пиров и пьянства. Судьба Веры перекликается с судьбой героя повести, который, несмотря на увещевания родителей, хочет жить своим умом, ибо он горд:

*Своему отцу стыдно покориться
И матери поклониться,
А хотел жить, как ему любо.*

А ведь именно гордость и своеволие Веры – доминанта ее характера. Как и в «Горе-Злосчасти», в «Обрыве» героиня переживает после падения духовное преображение, – но только пройдя через смирение: «А Татьяна Марковна старалась угадывать будущее Веры, боялась, вынесет ли она крест покорного смирения, какой судьба, по ее мнению, налагала, как искупление за "грех"? Не подточит ли сломленная гордость и униженное самолюбие ее

нежных, молодых сил? Излечила ли ее тоска, не обратилась бы она в хроническую болезнь?» (Ч. 5, гл. XI) К смирению и кротости призывают героя древнерусской повести люди: «Смирение ко всем имей! // И ты с кротостью держися истинны с правдою...» Герой-добрый молодец не может отвязаться от Горя-Злосчастия, пока не приносит истинного покаяния в монастыре. Лишь стены монастыря (истинное смирение и покаяние) останавливают Горе:

*А Горе у святых ворот остается,
К молотцу впредь не привяжетца!*

Духовная эволюция героев обоих произведений («молодца» и Веры) проходит через гордость, непослушание, грех – а затем раскаяние и возвращение к Богу (монастырь в повести и «бабушкина правда» в романе). Ни одно из «антинигилистических» произведений времен «Обрыва» так близко не воспроизводит данную схему «Повести о Горе-Злосчастии». В «Обрыве» прямо звучит понимание человеческого греха, изложенное в «Повести о Горе-Злосчастии». Бабушка говорит: «Уж если кто несчастен, погибает, свихнулся, впал в нищету, в крайность, как-нибудь обижен, опорочен и поправиться не может, значит – сам виноват. Какой-нибудь грех да был за ним или есть: если не порок, так тяжкая ошибка! Вражда, страсти!.. все один и тот же враг стережет нас всех!.. Бог накажет иногда, да и простит, коли человек смирится и опять пойдет по хорошему пути. А кто все спотыкается, падает и лежит в грязи, значит не прощен, а не прощен потому, что не одолеет себя, не сладит с вином, с картами, или украл, да не отдает краденого, или горд, обидчик, зол не в меру, грязен, обманщик, предатель... Мало ли зла: что-нибудь да есть! А хочет, так выползет опять на дорогу. А если просто слаб, силенки нет, значит веры нет: когда есть вера, есть и сила» (Ч. 2, гл. X). Философия судьбы, как ее понимает Татьяна Марковна, развивается в этом же разговоре с Райским, и философия эта – не книжная, не литературная. Ее происхождение явно следует искать в полуфольклорном-полухристианском представлении о судьбе из «Повести о Горе-Злосчастии»: «Ты никак с ума сошел: поучись-ка у бабушки жить. Самонадеян очень. Даст тебе когда-нибудь судьба за это "непрерменно"! Не говори этого! А прибавляй всегда: "хотелось бы", "Бог даст, будем живы и здоровы.. А то судьба накажет за самонадеянность: никогда не выйдет по-твоему...

- У вас, бабушка, о судьбе такое же понятие, как у древнего грека о фатуме: как о личности какой-нибудь, как будто воплощенная судьба тут стоит да слушает...

- Да, да, - говорила бабушка, как будто озираясь, - кто-то стоит да слушает! Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть, - и упадешь. Понадейся без оглядки, судьба и обманет, вырвет из рук, к чему протягивал их! Где меньше всего ждешь, тут и оплеуха...

- Ну, когда же счастье? Ужель все оплеухи?

- Нет, не все: когда ждешь скромно, сомневаешься, не забываешься, оно и упадет. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, побаивайся: ну, и дастся. Судьба любит осторожность, оттого и говорят: "Береженого Бог бережет". И тут не пересаливай: кто слишком трусливо пятится, она тоже не любит и подстережет. Кто воды боится, весь век бегают реки, в лодку не сядет, судьба подкараулит: когда-нибудь да сядет, тут и бултыхнется в воду.

Райский засмеялся.

- О, судьба проказница! - продолжала она. - Когда ищешь в кошельке гривенника, попадают все двугривенные, а гривенник после всех придет; ждешь кого-нибудь: приходят, да не те, кого ждешь, а дверь, как на смех, хлопает да хлопает, а кровь у тебя кипит да кипит. Пропадет вещь: весь дом перероешь, а она у тебя под носом - вот что!

- Какое рабство! - сказал Райский. - И так всю жизнь прожить, растеряться в мелочах! Зачем же, для какой цели эти штуки, бабушка, делает кто-то, по вашему мнению, с умыслом?...

- Для какой цели? - повторила она, - а для такой, чтоб человек не засыпал и не забывался, а помнил, что над ним кто-нибудь да есть; чтобы он шевелился, оглядывался, думал да заботился. Судьба учит его терпению, делает ему характер, чтоб поворачивался живо,

оглядывался на все зорким глазом, не лежал на боку и делал, что каждому определил Господь...

- То есть вы думаете, что к человеку приставлен какой-то невидимый квартальный надзиратель, чтоб будить его?

- Шути, а шутя правду сказал, - заметила бабушка» (Ч. 2, гл. X). Все эти бабушкины сентенции – развитие темы «Горя» из повести XVII века. Даже понятие падшего человека хотя и иронически представлено Райским в контексте разговора с бабушкой о судьбе, но оно прямо ассоциируется с героем-бражником из «Горя-Злосчастия»: «Уж коли кто несчастлив, так, значит, поделом. Проси скорее прощения, а то пропадешь, пойдет все хуже... и...

- И потом “красный нос, растрескавшиеся губы, одна нога в туфле, другая в калоше”! - договорил Райский смеясь» (Ч. 2, гл. X).

Ориентация Гончарова на повесть вполне осязаема. Но она становится еще более значима в контексте масштабного замысла «Обрыва». Ведь романист задумал произведение не о бытовом, а о «первородном» грехе. Как и грех героя «Горя-Злосчастия», грех Веры носит не бытовой характер, а восходит к общечеловеческому, еще Адамову, греху. Господь повелел людям

*... жити во святом Раю,
Дал им заповедь Божественну:
Не повелел вкушати плода виноградного
От Едемского древа великого.*

Знакомство Веры и Марка начинается как раз у «Едемского древа великого»: Марк ворует яблоки в саду Веры и предлагает ей одно. Возможно, здесь не просто библейская ассоциация, но ассоциация, связанная «Повестью о Горе-Злосчастии», где сказано:

*Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
Прелстился Адам со Евою,
Позабыли заповедь Божию,
Вкусили плода виноградного
.....
И изгнал Бог Адама со Евою
Из святого Раю Едемского,
И вселил он их на землю, на нискую...*

«Ниская земля» – этот все тот же «обрыв», «овраг», или, по-библейски, «геена».

Гончаров, уже задумавший произведение о трагических заблуждениях молодого поколения и, как следствие, трагической судьбе России, воспринял главную нравственную тему древнерусской повести как крайне актуальную. Разумеется, он осложнил ее мотивами родительского греха и родительских ошибок как истоков ошибок детей. Бабушка вполне понимает свою мистическую связь с внучкой Верой и признает, что грех Веры берет начало в ее собственном грехе. В то же время тема «своего ума», «своеволия» и «послушания» звучит в «Обрыве» как тема не частная, но историческая, как тема не только личности, но и исторической судьбы России.

Понятие же «судьба» в «Обрыве» ассоциируется прежде всего с бабушкиной философией жизни. Борис Райский так и говорит в романе: «бабушкина судьба» (Ч. 5, гл. XIV). В самом деле, Татьяна Марковна постоянно говорит о судьбе – причем не как христианка, а как проживший на белом свете человек: это образ явно фольклорного происхождения (таков ведь он и в древнерусской повести). Она без конца обращается к своему внуку Райскому: «Не дразни судьбу, не накликай на себя! - прибавила она. - Помни: язык мой – враг мой!» (Ч. 4, гл. IV) В понимании бабушки, судьба – это нечто негативное, подстерегающее ошибку человека, это злой рок. Она говорит об Антипе: «Помнишь Антипа? ну, так его дочка! А золото мужик, большие у меня дела делает: хлеб продает, деньги получает, - честный, распорядительный: да вот где-нибудь да подстережет судьба! У всякого свой крест!» (Ч. 2, гл. II) Судьба для Татьяны Марковны заменяет порою философию жизни: «Если когда-

нибудь и случалось противоречие, какой-нибудь разлад, то она приписывала его никак не себе, а другому лицу, с кем имела дело, а если никого не было, так судьбе» (Ч. 2, гл. X). Характерно представление о судьбе проявляется в разговоре Татьяны Марковны с Райским во второй главе второй части романа: «Кто я, бабушка? - повторил он вслух, - несчастнейший из смертных!

Он задумался и прилег головой к подушке дивана.

- Не говори этого никогда! - боязливо перебила бабушка, - судьба подслушает, да и накажет: будешь в самом деле несчастный! Всегда будь доволен или показывай, что доволен.

Она даже боязливо оглянулась, как будто судьба стояла у нее за плечами» (Ч. 2, гл. II). Именно такой подслушивающей судьбой предстает в древнерусской повести Горе-Злосчастье («Подслушало Горе-Злосчастье хвастанье молодецкое»), увязавшееся за совершившим ошибку молодец. Уйти от такой судьбы невозможно ни в высоту, ни в глубине («Хоть кинся во птицы воздушныя, // Хотя в синее море ты пойдешь рыбою, // А я с тобою пойду под руку под правую!») – судьба везде настагает, это, собственно говоря, злой демон человека. Горе говорит: «А мне, Горю и Злосчастию, не в пустеже жити – // Хочу я, Горе, в людях жить // И батагом меня не выгонит [ь], // А гнездо мое и вотчина во бражниках». По святоотеческим представлениям, бес селится в самом человеке. Евангелие дает несколько случаев изгнания Христом бесов из людей. Как бес ведет себя «Горе», подавая молодцу советы, которые его губят и даже представляя в виде Архангела Гавриила, – все это в соответствии со святоотеческими представлениями о бесах. Интересно, что молодец поверил второму сну, в то время как, согласно святоотеческим преданиям, ангел внушает человеку благую мысль три раза. Горе же не могло в третий раз явиться во сне молодцу, но он ведет себя неразумно – не только с бытовой, но и с духовной точки зрения: забыл не только родительские советы, но и принятые в церкви предания Святых Отцов. Избавить от такого беса («Горя», «Судьбы») может только сам Бог. Сам Райский тоже размышляет о судьбе, роке – и их роли в жизни человека: «... он... невольно поддавался мистическому влечению верить каким-то таинственным, подготовляемым в человеческой судьбе минутам, сближениям, встречам, наводящим человека на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желание, нужное зачем-то, для цели, неведомой до поры до времени самому человеку, от которого только непреклонно требуется борьба.

В другие, напротив, минуты – казалось ему – являются также невидимо кем-то подготовляемые случаи, будто нечаянно отводящие от какого-нибудь рокового события, шага или увлечения, перешагнув чрез которые, человек перешагнул глубокую пропасть, замечая ее уже тогда, когда она осталась позади» (Ч. 4, гл. IX). Но в понимании Райского, судьба – скорее Божий Промысл. В решительном разговоре, удерживая Веру на краю обрыва от рокового шага и опровергая ее апелляции к «судьбе», он говорит: «Твоя судьба – вон там: я видел, где ты вчера искала ее, Вера (в церкви – В. М.). Ты веришь в провидение, другой судьбы нет...» (Ч. 4, гл. XI).

Борис Райский тоже в чем-то походит на героя «Горя-Злосчастья». Ведь и у него есть свое «блуждание» и свое возвращение к «бабушкиной правде». Он тоже живет своим умом, только его уход от «бабушкиной правды» сопровождается не падением, а презрением своего «роду-племени». Это еще один мотив повести о Горе-Злосчастьи. Ф. Буслаев пишет, что повесть «явно указывает на эту эпоху, когда узы *семейные* и *родовые* считались столь священными, что уже только одно нарушение их, как величайший грех, влекло за собою неминуемые бедствия» (2, 188). Райский в первых главах романа «общечеловек», вращающийся в космополитической петербургской аристократической среде. Таким «общечеловеком»-европейцем он остается и в конце романа, но в нем уже произошел важный перелом: он постиг «бабушкину правду», символически понимаемую в романе как «правду» или «лад» национальной русской жизни. Оттого в финале романа звучит главный национальный аккорд романа: «И везде, среди этой горячей артистической жизни, он не изменял своей семье, своей группе, не вращался в чужую почву, все чувствовал себя гостем и пришельцем там. Часто, в часы досуга от работ и отрезвления от новых и сильных впечатлений раздражительных красок юга – его тянуло назад, домой. Ему хотелось бы

набраться этой вечной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести все с собой туда, в свою Малиновку...

За ним все стояли и горячо звали к себе – его три фигуры: его Вера, его Марфенька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе – еще другая, исполинская фигура, другая великая "бабушка" – Россия» (Ч. 5, гл. XXV). Это возвращение «назад, домой», к «своей семье, своей группе» было заложено и в фабуле «Повести о Горе-Злосчастии». Однако там герой уже поклонился до земли Горю-Злосчастию – и оно «увязалось» за ним, не давая вернуться. Единственным выходом для героя повести остается пойти «во иноческий чин».

Обращает на себя внимание сам образ бабушки в романе – как полной хозяйки в своем маленьком царстве и как хранительницы некоего нравственного предания, на коем основана вся текущая жизнь: «Она управляла им, как маленьким царством, мудро, экономично, кропотливо, но деспотически и на феодальных началах» (Ч. 1, гл. VII). Роль бабушки в отношении молодого поколения в романе – учить, наставлять, благословлять и налагать запреты. Марфенька ее слушает и живет с ее благословением, Вера – ослушивается, тем самым лишается родительского благословения и падает. Бабушка в своей семье является патриархом, игуменьей, без воли которой ничего не совершается. Она имеет отношение ко всему и вся. Этот образ патриархального правления в романе вырастает до символа. Акцентирование общеизвестного и привычного для патриархальных нравов, все еще сохранявшихся в России XIX века, произошло в «Обрыве» не без влияния литературных источников, а именно назидательной литературы средневекового периода, типа «Поучения Владимира Мономаха», «Домостроя». Гончаров с интересом мог прочесть в упомянутой статье о «Горе-Злосчастии» академика Ф. Буслаева: «Отец являлся здесь (в назидательной литературе – В. М.) в отношении к детям не только главой семейства, но и просветителем, наставником в важнейших правилах нравственности: он в тесном круге своей семьи совершал то же великое дело просвещения, те же духовные подвиги во имя истины и добра, которые на великом поприще широкой России представлялось совершать Кириллу Белозерскому, Стефану Пермскому, Зосиме и Савватию Соловецким» (2, 189). Действительно, помимо назидания и хранения нравственного предания, бабушка совершает и духовный подвиг покаяния, духовное делание – выступает уже как подвижница: Гончаров сравнивает ее с библейской «древней еврейкой», Марфой-Посадницей. «Толпились перед ним, точно живые, тени других великих страдальцев: русских цариц, менявших по воле мужей свой сан на сан инокинь и хранивших и в келье дух и силу; других цариц, в роковые минуты стоявших во главе царства и спасавших его...» (Ч. 5, гл. VII).

Непосредственные следы русской средневековой литературы в творчестве Гончарова обнаружить нелегко. Хотя совершенно очевидно, что романист не только прекрасно знает историю и культуру Древней Руси, но и во многом усваивает ее дух, что более заметно в романе «Обрыв», например, образ монашествующего художника-аскета Кирилова (очевидно не случайно, что финал романа освещен фигурой не только Райского, но и Кирилова, с которым Борис Райский едет постигать красоты Рима и Европы).

1. Зельдхейн-Деак Ж. К проблеме реминисценций в лейтмотивах романа И. А. Гончарова «Обрыв» // И. А. Гончаров. Материалы международной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 1994.
2. Буслаев Ф. О литературе: Исследования. Статьи. – М., 1990.
3. Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. – М.; Л., 1960.